КРОКОДИЛ
26
СЕНТЯБРЬ 1967

— Как раз на месте будущего заводского поселка — роща.
— Тем хуже для рощи!

Рисунок Б. САВКОВА

ИНВАЛИДНАЯ КОМАНДА

До чего ж в Липецке хороши полные зелени скверы и парки!

Впрочем, до чего именно хороши, жители нашего города могут ответить вполне точно: до первой попавшейся на аллее статуи или скульптурной группы. Как взглянешь — гулять больше не хочется.

Зайдем хотя бы в шелестящие листвою скверы возле кинотеатра «Октябрь». По идее ваятеля этим гипсовым ребятишкам играть здесь радостно и привольно. Но это только по идее. Не могут они, бедняжки, побежать за мячом: давно хромоноги. Да и дырявый мяч не взлетит, он пригоден разве что под гнездо для какой-нибудь невзыскательной птички.

И дальше: куда ни посмотришь — одни инвалиды. Вот хотя бы юный нахимовец, который в боях с разрушительным временем стал однруким.

С ним соседствует девочка с книжкой. Девочка тоже осталась без руки.

Конечно, Венера Милосская и без рук хороша. Только зачем же соперничать с нею нахимовцу, любознательной девочке и другим липецким статуям отнюдь не античного происхождения?

Мих. СЕМЕНОВ

г. Липецк.

«ПРИКАЗЫВАЮ ПРИБЫТЬ!»

Строг Торжокский горвоенкомат. Суров и нецеремонлив.

Немало жителей Торжка награждено медалями «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Медали должен был вручать военкомат. Военкомат отнесся к делу со всей строгостью и разослал юбилярам нешуточные приглашения:

«Приказываю Вам прибыть... для вручения юбилейной медали. За неявку будете привлечены к ответственности...»

Чтобы все знали: на войне как на войне, а на мероприятии как на мероприятии.

Е. М.

— Куда вы столько грибов понатащили? Солить нам их, что ли?

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Гай Юлий Цезарь по совместительству

— Юлий Цезарь,— застенчиво представился пожилой посетитель с портфелем из диванного дерматина.

— Тот самый? — переспросил я, на всякий случай отодвигая чернильный прибор.

— Да, я Гай Юлий Цезарь, сотого года рождения до нашей эры,— подтвердил он,— римский консул, не судим, не состоял...

— Давно ли вернулись из походов? — заинтересовался я.

— Какие могут быть походы в моем возрасте! — устало сказал Цезарь. — Ездил в командировку по случаю финансовой ревизии в райпромкомбинате.

— А что, разве местная промышленность уже передана в ведение римского сената?

— Видите ли, я сам плановик, а Цезарь я, так сказать, по совместительству. Словом, дело было так. Уехал я в командировку по служебным делам, и вдруг звонок с работы: немедленно возвращайтесь. Хватаю, как сумасшедший, такси и гоню в Самарканд. По дороге места себе не нахожу: «Что стряслось дома? Пожар? Несчастье?» Дома меня ждут бледные, перепуганные родственники. «Ты здоров?» — спрашивают. «А вы все здоровы?» — тоже спрашиваю. «Вчера нас посетила медсестра из психдиспансера и все допытывалась, много ли ты пьешь, какие за тобой водятся странности и выдаешь ли ты себя за какого-нибудь другого человека. Вот записка с просьбой зайти к главврачу Богдановой». После этого мне ничего другого не оставалось, как стать Гаем Юлием Цезарем по совместительству.

И, величественно помахав мне рукой, Цезарь обронил на прощанье:

— Счастливо оставаться! Идущий в психдиспансер вас приветствует!

А я позвонил главврачу Самаркандского психдиспансера К. А. Богдановой.

— Иван Парамонович М. ваш пациент?

— Нет, что вы! — заверила она. — Но мы его разыскиваем.

— Зачем?

— Он писал в местную газету жалобу. Высказал недовольство правилами вызова «Скорой помощи». Мне поручили ему разъяснить, в чем он неправ.

— И для этого его вызвали в психдиспансер?

— А что тут особенного? — удивилась К. А. Богданова.

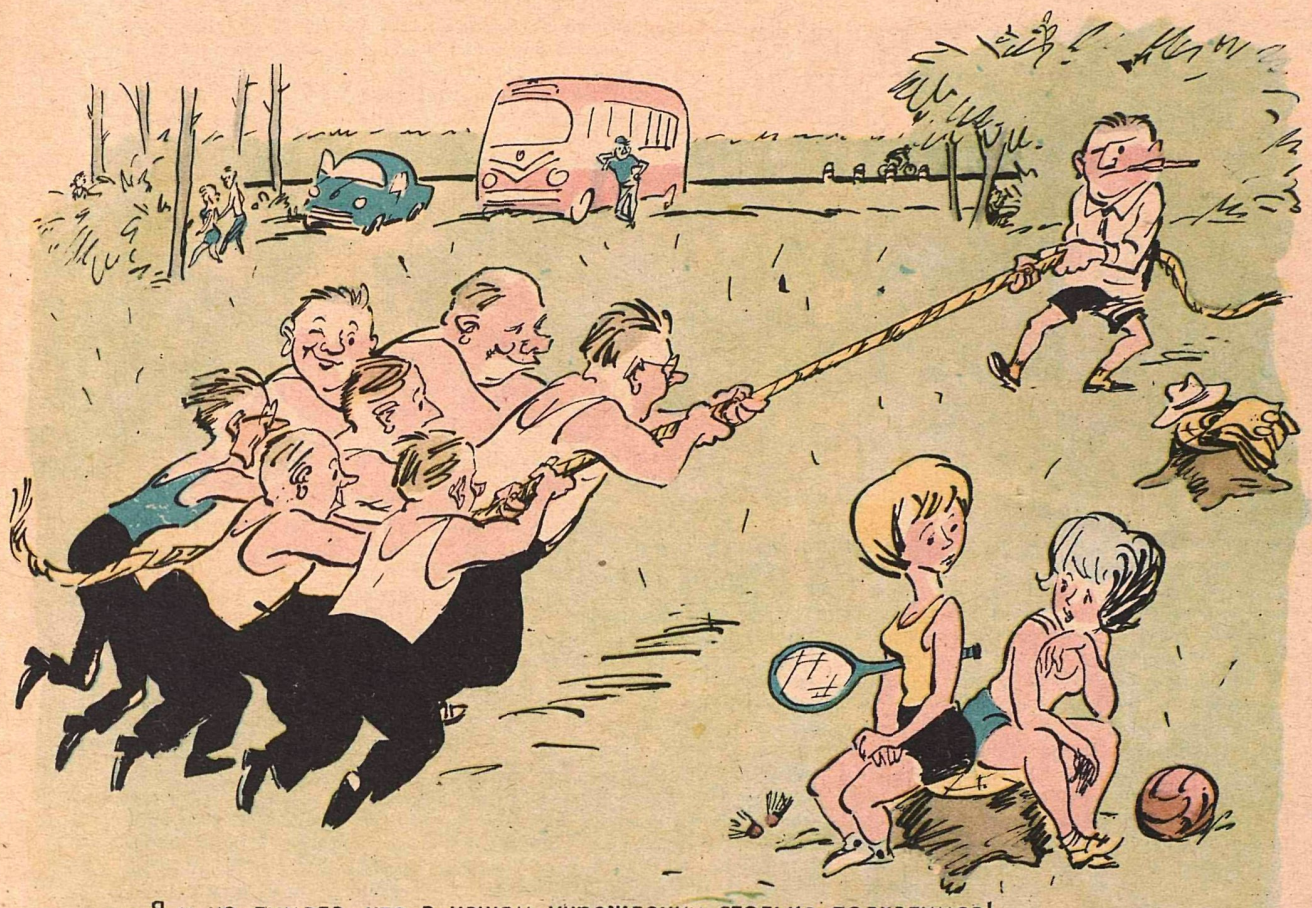
Любопытно, куда меня вызовут, чтобы сообщить о мерах, принятых по фельетону? На всякий случай учтите: я Александр Македонский...

Р. СОКОЛОВСКИЙ

г. Самарканд.

НА МАССОВКЕ

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА



— Я и не думала, что в нашем учреждении столько подхалимов!

М. ВИЛЕНСКИЙ

Ф. ШМАТКОВ И ГАЗЕТА

Письмо первое.

...Жизнь у нас в Коврижкине скучная. Клуба нет. Вот и приходится стучать в «козла» да скидываться на троих. Прошу вашу газету вмешаться и помочь.

Ф. Шматков.

Письмо второе.

...После того, как вы напечатали фельетон «На бесклубье и пол-литра — МХАТ» у нас в Коврижкине открыли клуб, но там только танцы да танцы, а мы с дружками этим делом не интересуемся. Скукота стоит по-прежнему. Вот и забиваем «козла» и сбрасываемся на троих.

Остаюсь Шматков Федор.

Письмо третье.

...После вашей заметки «Не твистом единым» в клуб понаехали лекторы и давай молотить кто про что горазд: один — про галактику, другой — про Африку. Душе от тех лекций ни отдыха, ни веселья. Вот и приходится то в «козла», то на троих. Скучно в нашем Коврижкине.

При сем Федор Шматков.

Письмо четвертое.

После вашей статьи «Галактике время, потехе час» к нам в клуб прислали артистов Шурова и Рыкунина и пионерский хор под руководством Локтева. Ну, думали: теперь развлечемся, нахохочемся. Однако же в клубе всем места не хватило, нам билетов не досталось, и пришлось нам сброситься на бутылку, а потом забивали в «козла» до ночи. Ох, и тощища у нас в Коврижкине!

Ф. Шматков.

Письмо пятое.

Через день после вашего фельетона «Близок Локтев, да не укусишь» Шуров, Рыкунин и пионерский хор явились ко мне на квартиру для дачи концерта на дому. А мы как раз с дружками только-только отковырнули бутылку и размешали домино. Комната у меня маленькая, а хор большой. Полхора набилось с Шуровым посередке, а другая половина осталась на дворе и Рыкунин с ними. Какой уж тут концерт! Образовалась полная неразбериха и толчея. Чуть бутылку не опрокинули. Насилу мы их выставили, дорогих гостей. А после забивали «козла», почитай, до самого утра и все приговаривали: «Ну до чего же скучища в нашем Коврижкине!»

С приветом Ф. Шматков.

Письмо шестое.

Дорогая редакция! Спасибо вам за помощь. Наконец-то сдвинулось дело. Ваш корреспондент товарищ Куколь явился к нам в Коврижкино с поллитром коньяку армянского и сардинами марокканскими и обучил нас забивать «козла» морского, а мы, оказывается, гоняли сухопутного, сами того не ведая. В общем, здорово мы посмеялись и отдохнули. Я, когда вам писал, всегда крепко надеялся, что редакция нам в конце концов поможет. Так и вышло.

С благодарностью Ф. Шматков.

Вик. ФОТЕЕВ

МАСШТАБНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Начнем с того, что наш
герой,
Товарищ Н. Петров,
Живет на улице одной
В одном из городов.
Он скромен, прост,
не пьет вина,
С соседями не груб,
И в нем сильна
черта одна —
Он страстный правдолюб!
Заметит что-нибудь
не так —
Сторонкой не пройдет.
Насупит бровь,
замедлит шаг,
На карандаш возьмет.

Но знают те, кто с ним
знаком,—
Есть у него секрет:
Он не пойдет
В домком,
Партком,
Не сообщит
В райком,
Обком,
Ни в рай-, ни в горсовет.
Он признает наверняка
Одну инстанцию — ЦК!

Наморщив лоб,
нахмурив бровь,
Не тратя лишних слов,
Письмо строчит сегодня
вновь
Товарищ Н. Петров:
«Сигнал примите от меня,
Он требует вниманья:
На нашей улице три дня
Была закрыта баня!
У дома два до этих пор
(дом сдан на той неделе)
Не могут выкрасить забор
И сор убрать с панели!..»

Пусть это так. Молчать
о том
Нельзя. Конечно, нет.
Но есть
Домком
И есть
Партком,
Есть, наконец,
Райком,
Обком,
Есть рай- и горсовет!
Но все ж уверенно рука
Выводит на письме: «В ЦК».

В больших и маленьких
делах
Развязка есть обычно.
И вот с Петровым мы
на днях
Беседовали лично:
— Зачем в ЦК писать
о том,
Что мог бы, без сомненья,
Решить, к примеру,
управдом,
Причем в одно мгновенье?
И почему бы лично вам
Иной разок не взяться...
— Вы не учите. Знаю сам,
Куда мне обращаться.
Ведь безобразия кругом!
Вот дворник
подметает двор,
А ходит без совка!..

Петров на днях о факте том
Опять писал в ЦК.

А. КИКНАДЗЕ

«ВЕЛИКИЙ ГОРОД» ДЖЕЗАПА СКОТТА

ПАМФЛЕТ

Среди имен знаменитых утопистов прошлого как-то затерялось имя одного скромного, но примечательного автора.

О Томасе Море, авторе «Утопии», слышали все. О Сен-Симоне — многие. О Жане Мелье — некоторые. О Джезапе В. Скотте слышал мало кто.

Между тем труд Джезапа В. Скотта «Будущий Великий Город Мира», изданный ровно сто лет назад, в 1867 году, заслуживает внимания потомков. Хотя бы потому, что речь в этом капитальном исследовании идет не о каком-то мифическом месте, «которого не было», как у других утопистов, а о вполне реальном американском городе по имени Толидо, расположенном у Великих Озер, близ границы с Канадой.

Автор был последователем французского социолога Монтескье, считавшего, что нравственный облик людей, их законы и образ правления зависят от климата и почвы. «В мире нет земли щедрее нашей, и нет неба над землей, которое было бы благодатнее нашего неба,— писал о Толидо Джезап В. Скотт.— Я доверяю Толидо и вижу его великой метрополией будущего».

Мистер Скотт, как рекомендует его местный справочник, был «адвокатом, издателем, деловым и гражданским лидером Толидо». Он был сторонником Севера в гражданской войне за освобождение негров. Он приступил к книге в 1865 году, вскоре после того, как Север выиграл войну. Воспев гимн освободителям негров, автор высказал убеждение в том, что Великий Город Будущего станет и примером расовой гармонии.

Теперь имя Джезапа В. Скотта стоит в истории Толидо сразу же за именами шести президентов и одного бейсболиста, которых этот город дал стране за 130 лет своего существования.

Джезап В. Скотт прославился не только книгой. Он подарил 160 акров земли будущему Толидскому университету. Этот университет, основанный в 1872 году, готовит экономистов, врачей, филологов, а заодно в специальном корпусе — резервистов армии США. В университете учатся и негры. В изданном университетом проспекте «Дружная семья» — фото белолицего офицера, который играет в гольф с негром-студентом. Приятная для глаз картина — безоблачное небо, зеленая трава площадки, улыбка офицера, поздравляющего негра с удачным ударом. В парке Скотта все дышит миром, и если бы мистер Скотт мог взглянуть на эту картину, он сказал бы себе: «Ты был прав, старина, Толидо заслуживал доверия».

...Как живется тебе сегодня, толидский негр? Что дал тебе город, названный сто лет назад городом расовой гармонии?

* *
*

Глубину афоризма «Время — деньги» лучше всего начинаешь понимать в стоящем такси с включенным счетчиком.

За рулем сидел негр. Длиннорукий, длинноногий и молчаливый. Он, наверное, мог бы сидеть так и час и два. Он ни разу не вздохнул, не взглянул на часы, чтобы пассажиры не подумали, что ему, шоферу, от всего этого мало пользы. Стоицизм заслуживал поощрения, и шофер получил в подарок маленький брелок для ключей.

— Русский? — удивленно вскинул брови негр.— Из Москвы? Первый раз вижу русского, который оттуда.

Ему можно было поверить. В город, где он живет, «русских оттуда» не пускают. Не пускают даже советских журналистов, аккредитованных в Нью-Йорке и Вашингтоне. Лишь для двух спецкоров — Сергея Тосуняна и автора этих строк,— прилетевших на мировой чемпионат, Толидо сделал исключение. Нас приглашали на приемы и встречи, приглашали на радиостудию и в университет, в ночной клуб и в какую-то фирму, производящую синтетические материалы.

Сегодня мы ехали на прием в клуб Аку-Аку. Мы сидели в машине и ждали еще одного спутника, который почему-то задерживался. Шофер повернулся к нам и сказал, что его зовут Уайт, то есть Белый, и он пошутил, как шутил, должно быть, уже не раз, что лучше бы уж ему было носить имя Черный, но быть белым. Он приехал сюда с юга, из Дакоты. Сейчас он бы с радостью уехал еще куда-нибудь подальше на север, но дальше некуда, потому что там уже Канада.

В Аку-Аку нас встретил симпатичный близорукий лысоватый человек с лицом, окантованным бородкой, и выдающимся носом. Судя по всему, это был его главный орган чувств. Прежде чем вступить в разговор, незнакомец как будто бы обнюхивал собеседника, решая, стоит ли иметь с ним дело. Нам повезло. Судя по всему, он остался доволен нами, ибо скоро протянул руку и сказал:

— Очень рад, будем знакомы, меня зовут Джой, я представитель компании «Премьер», производящей синтетические материалы, сегодня мы вам покажем новый ковер...

У входа в зал стоял негр в белом костюме. Негр держал поднос с яйцами и, почтительно полусогнувшись, просил каждого взять по одному яйцу и пройти с ним в зал. Там лежал синтетический ковер толщиной сантиметра в два, и мистер Джой предложил нам подойти к ковру, поднести яйцо ко лбу и выпустить его из рук. Если скорлупа разобьется — премия: набор для гольфа.

— У нас, как на самых больших конкурсах,— главный приз остался неразыгранным,— шутил мистер Джой, когда все мы под вспышками блицев испытали эластичность ковра. На подносе оставалось одно яйцо, и мистер Джой пригласил негра попытать счастья. Тот стеснительно отказывался, потом согласился, поднес яйцо к лицу.

— Еще выше! —скомандовал мистер Джой.— Еще, еще выше, але ап!

В ту же секунду по синему ковру пошли желтые пятна, по белому лицу мистера Джоя — красные, и только лицо негра не изменило цвета, потому что негр не обладает способностью краснеть. Но зато глаза негра... В них было сожаление, раскаяние, страх, он чувствовал себя главным виновником этого чрезвычайного происшествия. Кто-то из рекламных фоторепортеров по инерции сделал снимок, на него посмотрели с недоумением. У всех и даже у нас, хотя нам было наплевать на те ковры, испортилось настроение.

В глазах негра была сама покорность. Он согнулся, спиной попятился к двери и, ни слова не сказав, исчез.

— А как же приз? Почему вы не вручили его победителю?

— Он получит... Еще получит,— сказал мистер Джой и открыл в улыбке зуб мудрости.

Или вот еще старый чистильщик ботинок в парикмахерской отеля «Коммодор Пири». Пока вас стригут, он подходит к вам со своим ящичком, вы поворачиваетесь на вертящемся кресле спиной к зеркалу, и он, почистив ваш левый ботинок, как все чистильщики в мире, легонько стучит щеткой по ящичку, предлагая сменить ногу. У старика рваное ухо, хриплый голос и та же гарлемская грусть в глазах.

Так. А где я встречал негров еще?

В большой редакции газеты «Толидо блейд»? Нет, не встречал. И в типографии не встречал. Но тогда, может быть, в том новом, застроенном нестандартными коттеджами районе, где живут инженер-химик Роджерс и армянин — страховой агент, пригласившие нас в гости? Нет, и там среди гостей и среди соседей не было ни одного черного.

В Толидо не десять и не двадцать тысяч негров— куда больше. Где же они, чем занимаются?

Вот они, оказывается, где. В Толидо свой Гарлем, маленький сколок с Гарлема нью-йоркского: те же перенаселенные кирпичные дома, такие же голопузые мальчишки на улицах. Их много, этих мальчишек, но взрослых не меньше. Словно бы Гарлем объявил забастовку. Люди идут не торопясь. Некуда спешить. Кажется, и нечего делать. Безработные.

Однажды утром на углу Небраска авеню мы приметили группу негров лет от двадцати до двадцати пяти. Их было человек десять. Они подпирали стены облезлого дома, жевали резинку, курили и безучастно подбрасывали вверх привязанную к нитке катушку. Говорят, эта игрушка йо-йо полезна для боксеров: рука становится крепкой и быстрой.

— Вот так набьют руку, а потом пойдут в боксеры... Или в грабители... Не любят работать,— флегматично заметил сидевший за рулем мистер Хаммаршельд, продюсер местной радиокомпании.

— Им трудно найти работу,— сказал без желания вступать в спор мистер Хеттер, профессор Толидского университета.

Когда мы под вечер возвращались обратно, те же девять или десять молодых негров стояли на том же углу, в тех же позах. Хаммаршельд многозначительно посмотрел на нас и как бы продолжил прерванную мысль:

— Негр предрасположен к преступлению, он ленив и не отличается сообразительностью.

Мы проезжали по Гарлему, в котором ютится, унижается, воюет с крысами, лавочниками и полицейскими нация отверженных. Мистер Хаммаршельд, преуспевающий эмигрант из Швеции, заметил:

— У нас полиция разделалась бы с ними в два счета.

Хеттер ответил:

— Если негр идет на преступление, то потому, что его толкает на это жизнь. Нужда, унижение, кастет — все это из одного ряда.

Позже, когда мы остались уже одни, Хеттер, имеющий свои взгляды на многие стороны американской жизни, сказал:

— В корпусе резервистов при нашем университете готовится не только будущий солдат американской армии, но и будущий солдат национальной гвардии, защищающий «внутренний порядок». Но рядом с нами в негритянских кварталах растут иные резервы, мощь и ненависть которых мы представляем пока очень туманно. Это резервы армии безработных, неустроенных, озлобленных. Когда-нибудь все это может вспыхнуть.

* *
*

Советских журналистов пригласили на радиостудию. Нам задавали вопросы по телефону. Они шли в эфир. После трех-четырех традиционно однообразных вопросов («Как вам понравился наш город?», «Как вам понравились наши люди?», «Как вам понравилась наша погода?») густой мужской голос подозрительно спросил:

— Вы коммунисты?

— Да, коммунисты.

— Вот сейчас вы так просто беседуете с нами... А на самом деле...

Ведущий торопливо нажал на клавиш, выключил говорившего, покраснел и сказал, что такие вопросы не в духе американского гостеприимства, и попросил нас не обращать внимания на происшедшее.

Сергей Тосунян сказал:

— Не думаете ли вы, что извечные ссылки на «руку Москвы» — это простой, но не лучший способ борьбы с внутренним неустройством?

* *
*

«В город введены войска. Им дан приказ: если надо — убивать. Имеются раненые. Арестовано сорок восемь человек» (из хроники города Толидо, штат Огайо, США, 1967 год).

...Когда все это вспыхнуло, взорвалось, заговорило языком ненависти, когда по улицам Толидо потекла кровь, когда в старых и новых кварталах запылали пожары, американская пропаганда снова заговорила о «руке Москвы».

Но ведь в Толидо не пускают людей из Советского Союза!

Не правильнее ли говорить о «руке Вашингтона», занесенной над Вьетнамом?

Война с бедностью, торжественно провозглашенная в недавнем прошлом президентом Америки, подразумевала прежде всего помощь беднейшим слоям негритянского населения, ибо беднее негра человека в Америке нет. На деле «война» обернулась безобидной вылазкой горстки сомнительных филантропов с барабанным боем и применением пиротехнических средств. То, что могло пойти на «войну с бедностью», поглотила иная война, идущая далеко от Гарлема нью-йоркского и бесчисленного множества его филиалов в Нью-Арке, Детройте, Лос-Анжелосе, Толидо.

Война во Вьетнаме: 24 миллиарда долларов в год.

Так называемая «война с бедностью» у себя дома: в двенадцать раз меньше.

* *
*

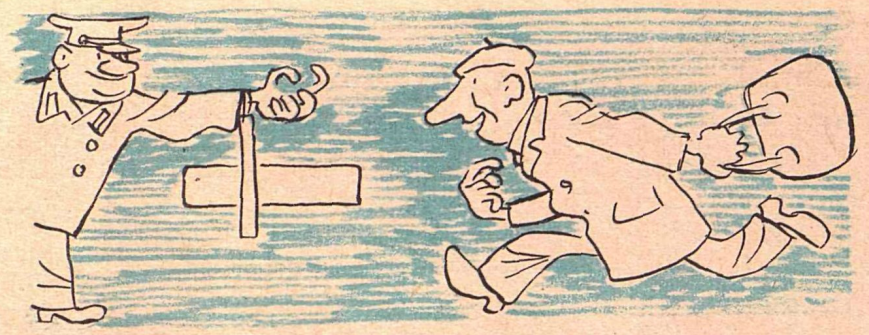
Глядят с рекламных проспектов Толидского университета одни и те же счастливо улыбающиеся лица негров-студентов. Рядом с учебными корпусами— площадка для гольфа. Она тоже входит в те 160 акров, которые подарил Толидскому университету Джезап В. Скотт.

В Великом Городе только-только отзвучали выстрелы.

Неспокойно в гробу человеку, мечтавшему о городе расовой гармонии.

НОВЫЕ ТОВАРЫ ЗА РУБЕЖОМ.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА



БШ 068765

Скажем красноречивым языком цифр. Сейчас над территорией Иркутской области проносится ежедневно столько авиапассажиров, сколько лет тридцать назад не проносилось над всей страной.

И еще. Человек шагнул к звездам.

Разве не так? Так. Так и говорилось однажды под сводами иркутского аэровокзала.

Выступал простой, рядовой представитель авиапассажиров, каких у нас в стране миллионы. Его запечатлевали на кинопленку.

Он был полуторамиллионным. Только за год и только в пределах Восточно-Сибирского управления Аэрофлота.

Вокруг толпились замечательные люди, какими славится иркутская земля.

Потом пассажира усадили в серебристый лайнер и помахали платочками. Лайнер взревел и взмыл.

В порту назначения пассажира в связи с его полуторамиллионностью уже поджидала аэрофлотская «Волга», чтобы доставить прямо к дому.

* * *

И я пронесся над Иркутской областью и приземлился в Иркутске. Теперь мне предстояло пересесть на другой самолет или поезд, чтобы ехать в город Зиму.

— Вам билет на Зиму?— переспросила меня кассирша аэровокзала.— Пожалуйста.

Вот как хорошо, подумал я: две кассы и никаких очередей за билетами! И кассирша такая обходительная! Пожалуйста, говорит, извольте.

— Ну, что же вы?— спрашивает опять кассирша.— Где же ваш талончик?

— Наш талончик?

— Да. Записка от диспетчера где у вас? Ах, нету! Тогда обратитесь к диспетчеру, он даст талончик, талончик предъявите в кассу и получайте билет.

Понятно. Где диспетчер? Ага. Табличка «Диспетчер по транзиту», а вокруг, как регбисты в схватке, упершись друг в друга плечами и головами, толкаются люди, множество людей.

— А без талончика невозможно?— вернулся я к кассе.

— Конечно, невозможно. Ведь с городским агентством только диспетчер имеет связь. Позвонит по телефону, узнает, есть ли места, и даст вам талончик, по которому я продам билет.

Опять понятно. Посмотрим по крайней мере, на что я гожусь в случае чего...

— Ты куда это втискиваешься?— мигом залюбопытствовал физически сильный гражданин, которому я наступил на что-то.— Скажи спасибо, что я не инвалид, а то так бы тебя имел право тиснуть!..

— Спасибо,— сказал я, покидая опасное место.

А у касс по-прежнему — никакой очереди. Так безлюдно, что опять захотелось туда обратиться.

Обратился:

— А вы не знаете, может, на очередной рейс и билеты уже давно кончились? Зачем же мне зря в такой очереди красоваться?

Но нет. Все равно и на этот вопрос мог ответить только диспетчер.

— Мне только спросить! Мне только спросить!— закричал я, снова вбуравливаясь в толпу.

— А я тебе сейчас так отвечу!..— пообещал физически сильный.

— А вы не знаете случайно,— спросил я его,— остались ли билеты на Зиму?

Ничего не ответил сильный. Не успел. Отвлек я его своим вопросом, а тут — стихийное сжатие людской толщи, и его выдавило из толпы, как судно льдами. Зато выяснилось, что он почти мой попутчик, если ехать поездом: мне до Зимы, а ему чуть дальше, до Нижнеудинска.

Тут мы с ним и порешили: поездом. И в последний раз наведались к кассе.

— Не узнали?—сочувственно спросила кассирша.

— Нет,— сказал я.— Больше мы в такую игру не играем. Где тут у вас расписание поездов висит?

— Нету,— ответствовала кассирша.— Может, в справочном бюро знают.

В справочном бюро расписание было, но только пригородное. И еще здесь был все тот же массовый штурм со стороны чего-то добивающихся пассажиров.

Не дали результата и поиски начальника смены. Он, может, и знал что-нибудь, да вот никто не знал, куда сам начальник запропастился.

К счастью, подвернулась дверь с надписью «Штаб народной дружины». За дверью у стола сидел строгий милиционер и кушал вареное яичко.

И, к счастью, он оказался очень симпатичным, доброжелательным человеком. Рассказал, что поезда ходят часто, что билетов много, что до вокзала доехать можно так-то и так-то и вообще — счастливого нам пути.

Так оно и оказалось. Поезда шли часто, билетов — в достатке, народу на вокзале — тоже. Зато, как и в аэропорту, народ этот не слонялся в безделье, а находился в двух очередях. Два кассовых окошечка светились, шесть были накрепко захлопнуты.

Железная дорога, как и всегда, работала четко. Поезда приходили и уходили, а люди приходили и стояли, не успевая взять билет.

И мы пристроились. Мой спутник даже недовольствовать перестал. Утомился и тихо потел в толпе.

Постояли. Только, смотрим, вдоль очереди люди в путейской форме прохаживаются и то одного, то другого пассажира пальчиком к себе манят. Наконец и на нас обратили внимание.

— Эй, друг, поди-ка!— позвал меня немолодой путеец.

— Я?— спросил я.

— Ты, ты,— подтвердил путеец, отводя меня в сторонку.— Тебе не на запад?

— До Зимы.

— Трояк.

— Как?

— А так, наличными. Я проводник. Посажу — и поедешь.

Я дал. Дал и мой попутчик.

Сели мы в поезд и очень прекрасно доехали в полупустом вагоне.

* * *

А фельетон этот написан от зависти. Очень я завидовал тому полуторамиллионному, который так просто добрался туда, куда хотел. Да еще и в кинохронику попал.

А меня судьба не отметила. Я оказался пассажиром с таким некруглым номером, что и сказать стыдно. БШ 068765 — был мой номер.

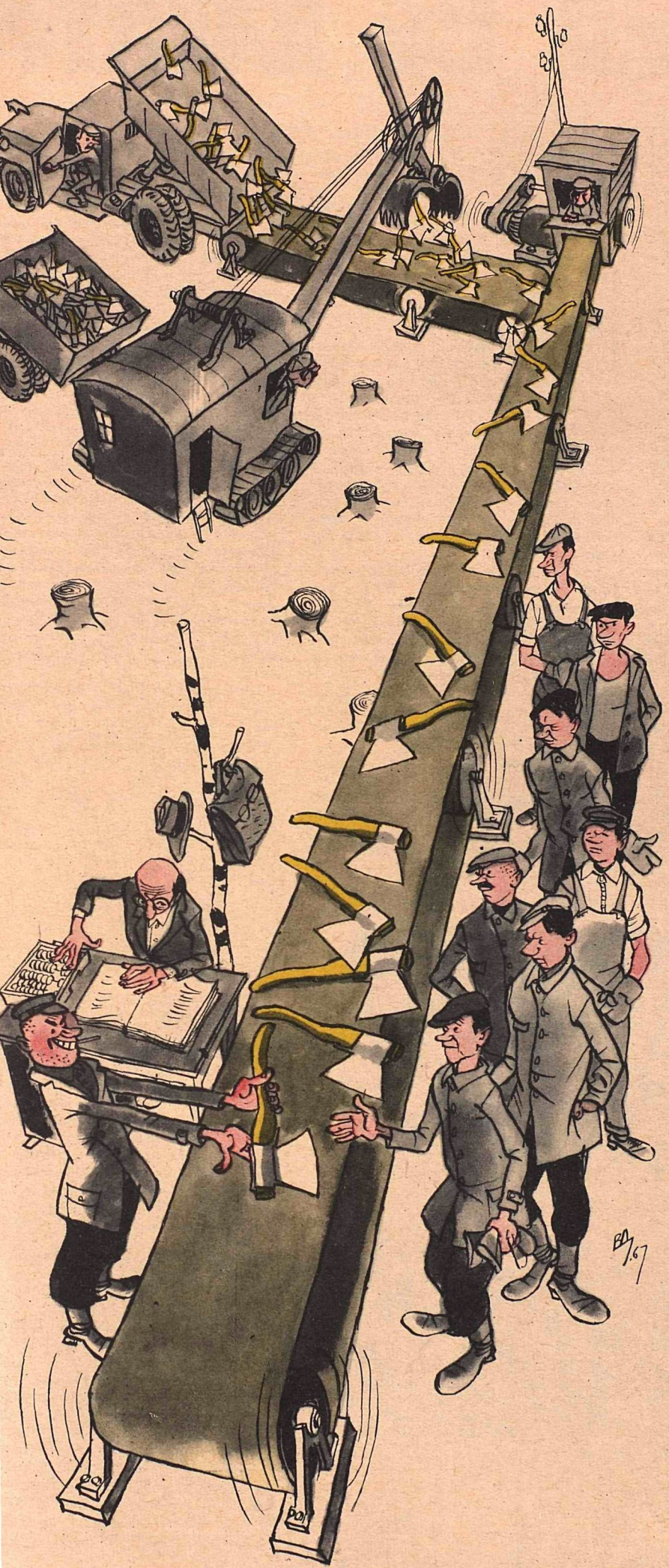
Однако надежда во мне еще теплится. На то, что и железнодорожники и аэрофлотовцы начнут обращать, наконец, внимание на каждого миллионного пассажира. А там, глядишь, и на каждого стотысячного обратят... Дальше — больше, дойдет дело и до каждого пятого, третьего... И настанет такой день, когда всякого встречного-поперечного так обласкают, что и сказать будет нечего.

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила.

Иркутск — Москва.

— Ишь, какой горластый, весь в тебя. Наверное, тоже комсомольским вожаком будет!

Рисунок С. КУЗЬМИНА



Механизация лесозаготовок.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Юрий ЯКОВЛЕВ

Дон Жуан

РАССКАЗ

В семье Рыбаковых гремел набат. Телефон накалился от непрестанной работы. Толстые книги, которые с момента их появления в доме никто никогда не доставал с полки, лежали на стульях, на столе, на полу. Заседал семейный совет. Председательствовал папа. Члены совета — мама и бабушка — сидели, опустив глаза.

— Что делать? Как быть? Думайте, думайте, пока он не пришел!

Он мог появиться в любую минуту, и к его приходу должно быть принято решение, которое перевернет всю его жизнь.

Перед советом на клеенчатой скатерти с чернильным пятном лежал клочок бумаги в косую линейку. На клочке крупными каракулями было написано:

«Таня, люблю тебя...— Чуть пониже следовала приписка: — до гроба».

Эту роковую записку принесла в дом учительница Антонина Ивановна. Протягивая записку отцу, она залилась краской и чуть было не испортила весь педагогический эффект. Но пока родители передавали записку из рук в руки и болезненно морщились, Антонина Ивановна овладела собой и успела подобрать нужные слова. Подобрала она их не очень удачно, примерно так:

— Полюбуйтесь на своего сына. В третьем классе — такие записки. Люблю... до гроба...

Воцарилось молчание.

— Кто эта Таня? — наконец выдавил из себя папа.

— Это не имеет значения. Не Таня писала признание... в любви.

Папа замолчал. Тогда мама робко спросила:

— Что же нам делать?

— Это я вас хотела спросить! — выпалила учительница.

— Боже мой! — вздохнула бабушка.— Он был у нас такой женоненавистник... бил девчонок... И вдруг!..

И снова наступила мучительная пауза.

— Так вот,— сказала учительница (она уже окончательно оправилась от смущения и взяла себя в руки).— Продумайте все. И действуйте.

— Как же действовать? — спросили все трое.

Антонина Ивановна пожала плечами.

— Педагогика здесь бессильна. Здесь школа отступает, а на первый план выступает семья. До свидания!

После ухода учительницы все трое начали искать источник ужасного поведения сына и наперебой принялись вспоминать, в каком возрасте к ним пришла любовь.

— Я первый раз влюбился в шестом классе,— признался папа.

— Я от тебя другого и не ждала. Ты вообще порочный тип,— отметила мама.

— Маша!

— Что «Маша!»? Я вообще не влюблялась в школе. Я училась.

Но всех сразила бабушка:

— А я в школе вышла замуж. Когда мне стукнуло шестнадцать лет...

— Так вот он в кого! — с болью произнесла мама-дочь.

...Когда он пришел, еще ничего не было решено.

— Петя,— набравшись смелости, спросила наконец мама,— ты дружишь с девочками?

— Они все дуры,— отрезал Петя.

— А Таня? — впрямую спросил папа.

— Какая? Сыркина или Неовишвили?

— Ну, допустим... Сыркина?

— Дура! — без тени сомнения выпалил сын.

— А другая... на «швили»?

— Она не дура.

— Так, значит, она не дура?—В глазах папы загорелся огонек стратега, выигрывающего сражение.— Кто же она?

— Она? Заноза.

— Как... заноза?

— Самая настоящая. И еще она ябеда.

Семейный совет был поставлен в тупик. Оставалось последнее, крайнее средство. Папа положил на стол записку и стал так осторожно подвигать ее к сыну, словно листок со словами «Таня, люблю тебя до гроба» был начинен взрывчаткой.

— Что это?

Петя взял записку. Повертел ее в руках и небрежно положил обратно.

— Записка,— сказал он и хихикнул.

— Что же здесь смешного? — Папа нахмурился.— Это ты писал?

— Я.

— Какой Тане?

— Не помню.

— Как так не помнишь? Ты пишешь такие серьезные... гм... не по твоему возрасту серьезные вещи и не помнишь кому? Какой Тане ты написал эту записку? Отвечай!

— Я всем пишу,— признался мальчик.

— Как всем?— ужаснулась бабушка.

— А что? — спросил мальчик.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что ты пишешь? — спросил папа.

— Я пишу без отчетов.

— А они? Те, кому ты пишешь свои... признания?

— Они смеются... А Неовишвили... заноза... отдает учительнице. Ну, ничего, я ей еще не то напишу. Будет знать.

— Что ты ей напишешь? — с испугом произнесла мама.

— «Люблю тебя. Будь моей женой!» — раздельно произнес Петя и снова почему-то захихикал.

Бабушка опустилась на стул. Мама беззвучно заплакала. Папа забегал по комнате.

— Ты понимаешь, что это значит: «будь женой»?

— Ничего не значит,— спокойно ответил мальчик.

Но папа не слушал его. Он горячо объяснял своему несмышленому сыну суть этих слов:

— Это сокровенные слова. Их можно произнести только раз в жизни... и уж, конечно, не в третьем классе!

— А в каком?

— Даже твой непутевый отец, и тот начал это делать в шестом классе,— простонала мама.

— В шестом? А ты, мама?

— Я вообще не занималась такими глупостями.

— А у нас все девчонки пишут.

— Что они пишут?

— «Ты мой избранник»...

— Ты?— воскликнули все трое и уставились на Петю во все глаза.

— Я... избранник... и спутник жизни... и любовь моя,— вспоминал Петя и загибал на руке пальцы.— А в шестом классе у нас уже не пишут. В шестом курят.

Больше никто ничего не спрашивал. Юный Дон Жуан повернулся на каблуке и побежал в ванную комнату пускать мыльные пузыри, оставив взрослых наедине с клочком бумаги, на котором были выведены страшные слова: «Таня, люблю тебя до гроба».

М. СЕМЕНОВ

НЕМНОЖКО ОБ ЭЛЕКТРИ

ОПЫТ

С соседским Гришкой, пареньком горячим и увлекающимся, мы сблизились на почве одной и той же футбольной привязанности. Совпадение спортивных интересов переросло в дружбу, и вскоре Гришка стал верным помощником во всех моих начинаниях. Поэтому, задумав сочинить нечто об электричестве и электрификации, я обратился за помощью именно к нему:

— Не можешь ли, Гриша, достать мне лучину?

— Могу!—как всегда, не подумав, ответил он.— А лучина́ — это что такое?

В прежние времена по вечерам вся крестьянская семья собиралась у горящей лучины. И я ответил Гришке пословицей-загадкой:

— Поставлю — стоит, положу — лежит, дом держит.

— Дом держит? Ага, понял, телевизор. Но что-то я о такой марке не слышал. Как вы говорите: «Лучина́»?

Я махнул рукой на представителя нынешнего подрастающего поколения. Что теперешний подросток может знать о лучине как источнике света? Уж лучше спросить его об электричестве. И он без запинки скажет, что теперь каждый агрегат Братской ГЭС равен по мощности четырем Волховским гидроэлектростанциям, а энергии знаменитой Кашинской электростанции едва-едва хватило бы для обслуживания «электрических» нужд современного четырехсотквартирного дома.

Нет, Гришка в таких делах не помощник!

Мне рассказывали, что один писатель, когда ему нужно было изобразить что-то очень древнее, всегда обращался за советом к дворнику. А если и мне попробовать?

Дворника я разыскал в укромном уголке двора, под тенью молодых деревьев, в обществе розовощеких пенсионеров. Стуча костяшками, он азартно кричал:

— А мы вас дупелем! Мы дупелем!

Я отозвал его в сторонку для переговоров.

— Не поможете ли вы мне достать...— начал я.

— Отчего не помочь!— не дослушав, прервал меня дворник.— Помочь можно. Но только, папаша, это вам обойдется не меньше двух половинок. Сами посудите: в ГУМе постой, на Зацепу съезди, в «Детском мире» потолкайся... Уразумели, хлопот сколько?

Выходит, этот тоже меня не понимает. В ГУМе, в Зацепском универмаге можно добыть холодильник, радиокомбайн, проигрыватель, пластинку с очередным шлягером, но лучиной там не разживешься...

А ведь мог бы наш дворник знать толк в лучине, он же сам из деревни. И как раз из тех мест, по которым путешествовал русский ученый Иван Лепехин.

«Мне по крайней мере ни в одном месте во весь мой проезд видеть не случилося,— писал ученый,— где бы в деревнях употребляли другой свет, кроме лучины, да и в городах бедные жители от сего не исключаются. Кроме нездорового и глазам вредного лучинного дыму, кроме напрасного опустошения березового лесу, представьте себе черную от дыму, иссохшую крестьянскую хижину, двор и хлевы, покрытые соломою. Вообразите по подызбищам развешенные кудели, иссохшие веники и другие удобно загореться могущие припасы. Подумайте о ходящей крестьянке с пуком лучины по всем сим местам, а особливо во дни крестьянского пиршества, о падающих от лучины угольях; то престанете удивляться, когда увидите часто шатающихся крестьян и сбирающих у своих соседей посевной хлеб во образ милостыни».

— Эва, загнули, папаша!— сказал бы дворник, выслушав это описание быта родной деревни.— Какой дым, какие уголья? Откуда они? А Углич на что, а Рыбинск? Теперь «телик» в каждой избе, и в каждом хлеву по лампочке. А провода не просто какие-нибудь, а с хлорвиниловой тройной изоляцией — их ни одна гроза не пробьет!

Что и говорить, далеко шагнула наша страна! Если Михайло Ломоносов когда-то писал, что со временем можно будет по проволоке передавать «електрическую силу на великое расстояние до тысячи сажен и далее», то теперь лишь электрифицированные железные дороги Советского Союза протянулись на 25 тысяч километров и превысили длину «электричек» США, Англии, Франции, Японии, Западной Германии, вместе взятых. Если великий Яблочков, как милости, просил у Московской городской управы уступить ему пустопорожнее место около 120 квадратных сажен между Китайской стеной и Чернышевскими банями для установки электрической машины, то теперь Советское государство сооружает, например, такую гидроэлектростанцию, как Красноярская. Когда освоят ее полную мощность, это будет означать, что у нас как бы прибавились рабочие руки ста миллионов человек.

Между тем трудно, очень трудно пробивало электричество дорогу в России! Ведь великий изобретатель просил жалкие 120 квадратных сажен не безвозмездно, а обещав бесплатно осветить Театральную площадь и поставить 2 фонаря перед зданием Государственной думы. А объявление предлагавшего свои услуги Товарищества электрического освещения под фирмою «П. Н. Яблочков — изобретатель и К°» помещалось в газетах наряду с рекламой Шаболовского пивоваренного завода о продаже пива осенней варки и о выступлении хора цыган в ресторане «Славянский базар».

Его было мало, очень мало — русского электричества. В 1913 году Россия вырабатывала всего 1,9 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Да и русским оно было лишь наполовину: многие электростанции принадлежали иностранцам.

И, может быть, Герберт Уэллс имел какое-то моральное право назвать ленинский план электрификации России утопическим.

Но оставим Уэллса с его неудачными пророчествами и подумаем о лучине. Где же все-таки достать ее? И каково, вообще-то говоря, ее происхождение?

Ученые-историки полагают, что родоначальницей лучины является обыкновенная головешка. Но никто не может сказать, когда, в какой исторический период наш далекий предок догадался вынуть головешку из костра и укрепить в передней части пещеры, служившей гостиной.

Первые уверенные сведения о применении лучины в осветительной системе жилищ относятся к X—XI векам. От более позднего времени до нас дошел и сам светец — приспособление для установки горящей лучины. Нескольких типов: светец, стоявший на полу, прикреплявшийся к стене (бра) или, наконец, светец сразу для нескольких лучин (прообраз хрустальной люстры).

Благодаря популярной журнальной рубрике «Сделай сам» все теперь стали великими умельцами. Граждане разных возрастов строят управляемые по радио модели самолетов, гнут из обыкновенной проржавленной арматуры модерные подставки для цветов и выпиливают лобзиком умопомрачительные рамочки к фотографиям ближайших родственников. «Так неужели мне не удастся соорудить светец?»— подумал я и немедленно принялся за дело.

Металлический штатив от фотоаппарата я приспособил как столбик, сверху из проволоки сделал держатель, а вниз подставил самый большой таз с водой, чтобы туда падали искры и пепел.

Осталось добыть самое лучину.

Из старинных описаний я узнал, что лучший материал для нее все-таки сосна: она хорошо колется и не так свирепо чадит. На ближайшей стройке мне удалось заполучить увесистое бревно без единого сучка и задоринки. Прораб оказался очень отзывчивым человеком.

— Если не хватит, заходи еще, дорогой. У меня этого добра достаточно.

И он показал на толстенные лесины, вдавленные гусеницами трактора в рыжую жидкую глину.

Перед употреблением сосновую чурку раньше парили в печи, чтобы она легче делилась на пластинки. Естественно, мне пришлось миновать это звено в технологической цепи и приступить непосредственно к расщеплению. Занятие, скажу вам, не из легких: я сломал свой любимый охотничий нож и засадил в правую ладонь две огромные занозы. Извлекая их из-под кожи и смазывая пораненную руку йодом, я думал, что тем, первым, тоже, наверное, было трудно...

И действительно, самый, самый первый светец дался его творцу нелегко. А первый масляный или газовый светильник? А первая лампочка накаливания?

Сохранились документы, относящиеся к строительству Волховской ГЭС. В них говорится, что стройка не имеет: а) железа сортового и кровельного, б) гвоздей, в) кирпича, извести, цемента и пакли, г) рельсов и подвижного состава... Для перечисления по пунктам всех нехваток был использован почти весь алфавит.

А сама комиссия ГОЭЛРО ютилась в обыкновенной коммунальной квартире. Граждане, живущие в квартире 103 по улице Кирова, 24, знайте, что там, где вы теперь отвариваете молодую подмосковную картошку, где читаете по субботним вечерам «Неделю» и записываете на магнитофон

СВЕТЛА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

— Это тебе, черт, не гоголевская «Ночь перед Рождеством», когда ты меня в мешок спрятал и село без света осталось!

Рисунок К. Елисеева, «Крокодил», 1946 г.

ЧЕСТВЕ

СОЧИНИТЕЛЬСТВА ПРИ ЛУЧИНЕ

мелодии биттлзов, рождались грандиозные планы переделки России на основе электричества!

В городе Волжском, что раскинулся на левом берегу реки, напротив Волгограда, есть замечательный музей. Его экспонаты рассказывают о том, как сооружалась Волжская ГЭС имени В. И. Ленина. И, может быть, самый замечательный из них— телефонный аппарат начальника строительства Логинова. Этого талантливейшего строителя давно уже нет в живых, но кажется, что еще звучит его голос в мембране телефонной трубки, а сама она еще хранит тепло его руки...

Много можно и нужно рассказать сегодня, в канун 50-летия Советской власти, о первооткрывателях и первопроходцах, трудом и энергией которых наша страна стала электрической. И хорошо бы, как я и задумал, рассказать об этом при лучине, первом светильнике, озарившем когда-то бревенчатые углы русской избы.

Дождавшись, когда все домашние улеглись спать, я сел за письменный стол. А посреди комнаты вспыхнул колеблющийся язычок неяркого пламени.

Гришка все-таки остался верен своему долгу: дежурит у светца, меняя сгоревшие лучины на новые. Именно такого паренька, в своем роде механика-лучинника, видел я на одном старинном лубке.

Признаться, писать при свете лучины чертовски трудно. Строчки бегут вкривь и вкось, прочесть написанное невозможно, потому что по листу бумаги все время мельтешат какие-то тени. А потом еще дым! Все-таки этот отзывчивый прораб, вероятно, подсунул некачественное бревно. Вот бракодел!

— Дяденька, вы уж как-нибудь сами,— слышу я голос Гришки.

Необычное дежурство ему наскучило, и он тоже уходит спать. Теперь мне приходится хлопотать у светца самому. Нещадный дым буквально выедает глаза. Я распахиваю окно.

И замечаю, что редкие прохожие замедляют шаги против наших окон. Слышны голоса:

— Видишь, в той квартире на третьем этаже — пожар.

— Да нет, там кто-то кабана смолит. Варвар!..

И на самом деле это варварство— освещать древней лучиной московскую квартиру 67.

Я гашу смолистую щепу и выношу светец на кухню. Потом возвращаюсь, включаю настольную лампу. И мгновенно в комнату врывается ровный шум гигантских турбин Днепра и Волги, Ангары и Енисея. Я слышу шаги дежурного инженера, гулко разносящиеся по машинному залу Волжской ГЭС. И вижу тот могучий агрегат, перед которым иноземный турист — американский энергетик У. Сислер — снял шляпу и низко поклонился.

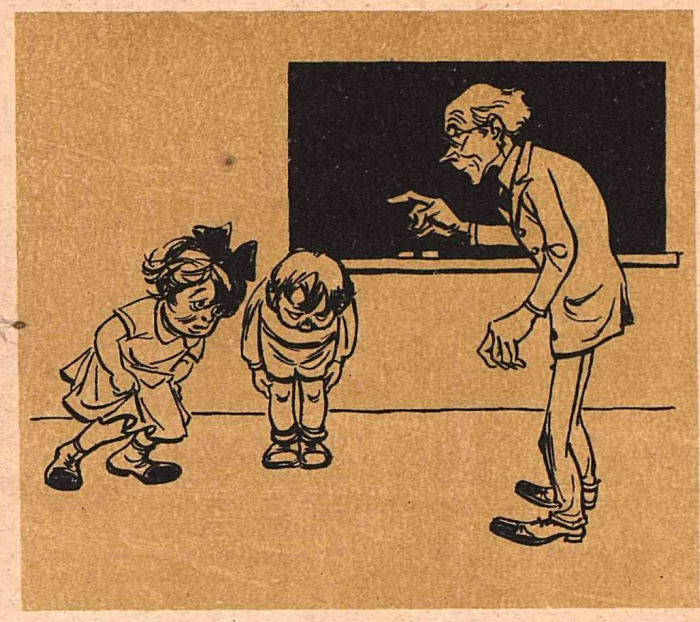
При ярком, наполненном теплом и энергией тысяч сердец электрическом свете я прочитал в раскрытой на столе книге набранные в разрядку великие слова Ленина:

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Это ушло в прошлое

— Оказывается, я попал в квартиру политического деятеля. Нет, нет, у коллег я ничего не краду!

Рисунок Р. ТЙЙТУСА



— Милые дети, учитесь низко кланяться. Это поможет вам в жизни куда больше, чем арифметика.

Рисунок Я. ЕНЗЕНА

Как сказал поэт. «Минувшее проходит предо мною...»

Вот, дорогой читатель, перед вами минувшее, в этих карикатурах.

Еще до революции прогрессивно настроенная эстонская интеллигенция прибегала в своей борьбе за свободу и демократию к такому неотразимому боевому оружию, как сатира. В изданиях сатирических газет участвовали столпы эстонской литературы Эдуард Вильде и Юхан Лилиенбах. Последний писал, имея в виду царизм: «На стену, которая пошла трещинами и начинает разрушаться, нужно навалиться, чтобы сравнять ее с землей».

Прогнившая стена была снесена штурмом Октября. Но счастье строить жизнь на ее развалинах еще не выпало на долю эстонского народа. Его надежды опрокинул буржуазный строй, поддержанный штыками международного империализма. Однако и в те смутные годы эстонская сатира оставалась верной своему боевому духу.

Взгляните на некоторые работы известных эстонских карикатуристов — Гори (Велло Агори), Яна Ензена, Ромулуса Тийтуса, опубликованные в тридцатых годах. Их по праву приравнивали к обвинительным актам, клеймящим марионеточное буржуазное правительство. Общественными обвинителями были сатирики, а судьей — смех народа.

Может показаться несколько странным: как терпели эти саркастические выпады люди, считавшие себя хозяевами государства? Что поделаешь?!. Одни делали вид, что это не касается их лично, другие — что соблюдают провозглашенную конституцией «свободу слова», третьи, наконец, не могли не считаться с популярностью писателей и художников-сатириков...

Смех всегда был оружием народа. Смехом он выражал свою растущую силу в борьбе со старым и отжившим. И наступил час, когда эстонский народ, смеясь, распростился с прошлым.

Р. ААРМА,
главный редактор сатирического журнала «Пиккер»

— Ах, у вас университетское образование? Хорошо, беру вас дворником. Заодно научите меня читать.

Рисунок ГОРИ

С УЛЫБКОЙ ПРАЗДНИКУ НАВСТРЕЧУ

Ба! Знакомые все лица!

Именно так воскликнут наши польские друзья, побывав на выставке советской политической карикатуры, которая откроется в октябре в Варшаве. Физиономии действительно знакомые. Замечательный мастер плаката Д. Моор представлен в Варшаве целой галереей портретов западных политиканов, которые вот уже полвека воют о «близком конце Советов». О каждом из этих персонажей можно сказать словами самого художника: «Такой портрет можно только повесить!»

Л. Бродаты познакомит варшавян с усатой нянькой — Адольфом Гитлером,— на руках у которой младенец — новый 1944 год. Младенец громогласно возвещает: «Гитлер — капут!» Другая работа этого замечательного мастера рассказывает о том, как в мае сорок пятого обитатели берлинского зоосада предупреждали наших солдат: «Просим не смешивать — логово зверя не здесь!» А вот и само логово зверя — его изображают Кукрыниксы: в мае того же года фюрер и компания в ужасе видят, как бравые колонны завоевателей мира обратились в длинный строй гробов, возглавляемый старой каргой — смертью.

Б. Ефимов расскажет польским друзьям о тех, кому урок истории не пошел на пользу. «Восстановительные работы в Германии» — так называется его рисунок, на котором изображены реваншистские «скульпторы», собирающие по кусочкам памятник фюрера.

А вот и загробный мир, куда, как и следовало ожидать, угодили фюрер и его свора. Но мир этот в представлении западногерманской юстиции выглядит так, словно каждого фашиста здесь ждет амнистия и райская жизнь.

В карикатуре Е. Шукаева показаны будни не загробной, а реальной жизни боннской юстиции и недобитых фашистов. Подсудимый гитлеровец заявляет герру судье, что при нацизме он приводил в исполнение его же, герра судьи, приговоры (вот так встреча!).

Не забыты нашими карикатуристами и последователи фюрера по ту сторону океана. О них рассказывает Б. Пророков в своем «Явлении нового Христа»: под Христа безуспешно рядится дядюшка Сэм. Об этом же рассказывает и М. Абрамов, изображающий Геринга, который, подвинувшись, освобождает местечко на скамье подсудимых для своего американского коллеги во Вьетнаме: «Присаживайтесь, коллега!». А. Крылов показывает «Гнездовье хищников» во всем его неприглядном виде, а Е. Гуров предлагает новый макет глобуса — специально для «бешеных». Горе-завоевателям посвящают свои работы Ю. Ганф, Борис Лео, А. Каневский, К. Елисеев, Е. Ведерников и многие другие мастера советской карикатуры.

Но просим сразу учесть: выставка в Варшаве — это не история тех бесноватых и «бешеных», которые вот уже полвека спят и видят конец Страны Советов. Какая может быть история у сумасшедших!

Варшавская выставка — это история нашей советской политической карикатуры, которая вместе со своей страной отмечает свое пятидесятилетие.

Н. СТАНИЛОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ ОПТОМ

Едет раз товарищ Дроздов на автобусе и о людях заботится. Мысленно, про себя. Это у него обязанность такая — о людях заботиться: начальник горжилуправления он. Вот, думает, хорошо бы посадить на улицах Могилева финиковые пальмы. Славно бы жилось тогда могилевцам. Есть где и в жару спрятаться, и финики задарма. То-то детишки будут рады!

Автобус переехал через железную дорогу, и тут Петр Васильевич видит: копошится в земле бабка, сажает что-то. Картошку, кажется. «Ну вот,— опечалился он,— какие ж это пальмы!»

Приехал, вызывает к себе управляющего домами № 6 Остапенко.

— Что это у тебя там, Остапенко, картошку сажают на Карабановской Роще? Чтоб это самое... Не было чтоб.

— Ага, — сказал Остапенко, — не будет.

Разбираться ему, конечно, недосуг было, почему сажают, имеют ли право. У него тоже такая работа — все о людях заботиться. С девяти утра начинает заботиться и до пяти вечера. С перерывом на обед, разумеется.

Словом, вызывает Остапенко техника Дзюбу и говорит:

— Иди, техник Дзюба, на Карабановскую Рощу, одиннадцать, и просвети их. Чтоб никакой картошки, понял?

Приходит техник Дзюба по обозначенному адресу.

— Бабка!— кричит.— Ты чего картошку сажаешь? Иди лучше телевизор гляди. Нельзя здесь сажать.

Вышли жильцы дома. И объяснили технику Дзюбе, что они железнодорожники, что земля эта выделена им в зоне отчуждения еще двадцать лет назад, и с тех пор они ежегодно сажают здесь картошку. И хоть бы слово кто сказал — все по закону.

— А ну вас,— обиделся техник Дзюба,— пойду лучше квас пить.

И пошел квас пить. Жильцам же дома № 11 по Карабановской Роще некогда было квас пить: то копай, то удобрения привози, то картофель на посадку покупай. Анна Потаповна Чередниченко, пенсионерка, и Мария Демьяновна Бородина — так те вовсе запарились. И Анна Потаповна одна живет, и Мария Демьяновна. «Ее, бульбу-то (это все та же картошка, по-белорусски только), и купить бы можно,— говорят они,— копейки она стоит, да покупная вроде не то, к своей привыкли, свеженькой, из земли прямо».

Через две недели опять едет товарищ Дроздов и опять о людях заботится. Видит, посажена-таки картошка. Рассердился. Начальник я, думает, или не начальник? Вызывает Остапенко.

— Начальник я,— спрашивает,— или не начальник?

— Начальник, Петр Васильевич, начальник.

— Тогда чтоб не было сегодня этой самой бульбы на Карабановской Роще! Травку-муравку посейте.

— Пожалуйста,— пожал плечами Остапенко,— посеем.

Вызывает Остапенко техника Дзюбу и говорит ему:

— Бери, техник Дзюба, бульдозер, и чтоб завтра травка-муравка росла.

Взял техник Дзюба бульдозер и стал картошку утюжить. Выбегают жильцы дома № 11.

— Ты что делаешь?! — кричат.

— Мне Остапенко приказал. Тикайте с дороги, а то задавлю.

Шум поднялся. Приходит Остапенко. Жильцы стали доказывать, что здесь их законные огороды, что завтра в десять утра они представят, коль нужно, документы (сейчас уже поздно — восемь вечера), просить стали,— подождите до завтра.

Аркадий Трофимович Остапенко достал расческу и причесал усы.

— Некогда мне документами заниматься,— сказал он.— Я, как и Петр Васильевич, о людях забочусь, время в обрез у меня.

— Да мы ж и есть люди.

— Я вообще о людях забочусь, а не индивидуально. Чтоб, например, травка-муравка была и так далее. Короче, не мешайте технике работать, а то акт на простой составлю.

Переворошил бульдозер картошку, и все спать пошли. А наутро берут жильцы дома № 11 у себя на железной дороге документы и идут в райисполком к товарищу Бояринову.

— Да это безобразие!— возмутился товарищ Бояринов.— Хоть бы один метр земли люди незаконно использовали. Все честь честью, на все документы есть. А хотите травку посеять, чтоб красиво было, так это же очень просто. Поднять трубочку, позвонить на железную дорогу и сказать: «Дорогие товарищи, на таких-то участках в черте города мы бы хотели траву посадить: культурнее, знаете». Железная дорога разве возражала б! Сам главный инженер Г. Ф. Зубченок сказал, что и не думали б возражать, сразу выделили б своим рабочим землю в другом месте вдоль дороги.

Так говорил товарищ Бояринов. Даже бил себя в грудь и качал головой: «Плохие мы люди, нечуткие». Но все это было уже спустя два месяца, когда приехал из Москвы корреспондент. Когда же пришли к товарищу Бояринову жильцы дома № 11, то разговор происходил совсем по-другому.

Иван Иванович Бояринов сидел за столом и озадаченно тер себе лоб.

— Вы тоже о людях заботитесь?— испуганно спросили жильцы.

— Забочусь,— сказал Иван Иванович.— Не видите, что ли?

— Тогда, может быть, разберетесь? Еще не поздно. Мы б и траву пропололи и картошку б досмотрели. Жалко трудов-то! Ни за что ни про что обидели нас.

— Ни за что ни про что не бывает. Пробульдозерили — нужно, значит. Травку посеяли—нужно, значит. До свидания.

И Иван Иванович снова стал озадаченно тереть лоб.

Заросла земля травой, и ездит теперь товарищ Дроздов довольный, о финиковых пальмах мечтает. Очень ему хочется всем добро делать, ко всем чутко относиться. Только не к каждому поодиночке чтобы — так хлопотно больно и както невесомо, а ко всем сразу. В общем и целом.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Могилев.

В МЕСТКОМЕ

— Как быть? Все мы уже отдыхали, и все-таки три путевки остались неиспользованными...

Рисунок Бориса ЛЕО

В ЛУЧШЕМ

Дорогой читатель! Забудьте на пять минут, что вы, скажем, бухгалтер, эстрадный певец, маляр, зубной врач или скромный стекольщик. Представьте себе, что вы — это не вы, а председатель колхоза или директор совхоза. Представили? Вот и хорошо.

...В полном разгаре страда деревенская... И прямо на поле во время уборки колосовых самым нахальным образом ломается новый комбайн, недавно прибывший с завода. Ломается он не потому, что комбайнер Анисим — ротозей и пьянчуга и направил машину на гранитный утес или пень ливанского кедра. Анисим—парень усердный и трезвый, утесов и кедров на вашей ухоженной пашне не имеется. А просто в комбайне был скрытый заводской дефект, и он вылез наружу в самую неподходящую для вас минуту.

Что же делать! Страда ведь... День год кормит и т. д.

Если председатель колхоза — человек эмоций, то он в подобной ситуации чешет затылок и заводит свару с механиком, употребляя выражения «Комар тебя забодай» или «Ах ты, святая пятница!». А если он человек суховатый и деловой, то он, не тратя времени на почесывание затылка, судорожно хватается за некий документ, выпущенный «Союзсельхозтехникой» в 1963 году. Называется этот документ «Инструкция о порядке удовлетворения претензий колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий по поводу качества тракторов и сельскохозяйственных машин». В инструкции все есть. Она регламентирует каждый шаг на пути к приведению вашего комбайна в рабочее состояние.

Итак, по совету инструкции вам следует немедленно, тут же, на спине комбайнера Анисима настрочить рекламацию, указав характер по-

Степан ОЛЕЙНИК

А ВЫ КАК БОРЕТЕСЬ?

Встретил я у нив шумливых
Председателя Шпака.
— Как вы боретесь на нивах,
Чтоб утрат — ни колоска?

Покопался он в портфеле,
Вынул памятный листок:
— Два собранья мы имели,
Проведем еще пяток.

Ставим лозунги у тока —
По три с каждой стороны.
Чтоб не вышло самотека,
Вновь «летучки» введены.

В плане — шесть бесед на тему
«Что такое молотьба»...
Вот вам вкратце дал я схему,
Как идет у нас борьба.

В общем-целом мы борьбою
Охватили всех! Вот так.—
И, довольный сам собою,
Свой портфель защелкнул Шпак.

Он остался в гордой позе...
Ну, а я проделал марш
Через реку, где в колхозе
Председателем Гармаш.

Об уборке урожая
Толковал с ним за рекой:
— А у вас борьба какая?
— Да, признаться, никакой.

Нас одно сейчас заботит:
Хлеб убрать бы без потерь!
Люди косят и молотят —
До борьбы ли нам теперь?

Впрочем, есть борьба, не скрою,—
Вдруг сказал он со смешком.—
Хлопцы борются порою
На соломе вечерком!

...Как ни лезет Шпак из кожи,
Развернуть «борьбу» спеша,
В жатве нынче вряд ли все же
Он поборет Гармаша.

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН

— Мы считаем, что работа должна быть отдыхом!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

СЛУЧАЕ

ломки. Настрочив, посылайте свою петицию почтой или нарочным (тут вам полная свобода выбора) в тяготеющее к вам отделение «Сельхозтехники». И приступайте к другим делам, которых у вас, конечно, полон рот.

«Сельхозтехника» получит рекламацию в худшем случае через неделю. В лучшем случае — на третий день. Будем оптимистами и понадеемся на лучшее. Но прежде чем дать жалобе ход, «Сельхозтехника» по инструкции обязана проверить, не оболгали ли вы почтенный завод, движимые чувством кровной мести, склонностью к клевете или другими низкими побуждениями. И если этого нет и вы не наврали, «Сельхозтехника», согласно инструкции, обязана послать подробную телеграмму о происшедшем на завод-изготовитель.

Завод получит депешу в лучшем случае спустя неделю после поломки. Не следует надеяться, что директор завода, прочитав телеграмму, придет в ужас, схватится за голову и тут же даст команду:

— Остановить конвейер! Бросить все силы и резервы на улаживание этого прискорбного и позорящего нас происшествия!

Скорее всего он брюзгливо заметит:

— Вот не было печали! Еще один полетел. Тут и без них голова кругом идет...

Но это в лучшем случае. А в худшем — телеграмма попадет в ящик, где лежат еще десятки таких же, как она.

По инструкции завод обязан не позже пяти суток после телеграммы известить отделение «Сельхозтехники», пошлет ли он на место происшествия своего представителя или не пошлет. Думаете, представитель нужен для производства ремонта! Он нужен для участия в составлении акта на поломку.

Представитель завода должен явиться не позже чем через 15 суток. Конечно, раньше он не явится. А может и вообще не приехать. В таком случае составляйте акт без него, с другими представителями других организаций.

Акт должен быть в пяти экземплярах. В лучшем случае вы найдете машинистку. В худшем — будете писать под копирку на спине того же комбайнера Анисима.

(Между прочим, со времени поломки прошло двадцать дней. А солнце печет. А зерно течет.)

Разослав акт, вы можете заняться другими делами. Заботы о комбайне приняло на себя отделение «Сельхозтехники». Оно за несколько дней обязано установить, где именно следует восстанавливать машину: на заводе, в колхозе или тут же, в отделении.

Допустим, что остановятся на колхозе. Но по инструкции ряд узлов и деталей должен прислать завод, причем отгрузить это добро в течение пяти дней. В лучшем случае детали появятся на вашей станции дней через десяток. В худшем — их зашлют вместо Грозного в Гродно или наоборот. Бывало.

На всю эту канитель уйдет не меньше двух месяцев.

Наконец, можно начинать ремонт.

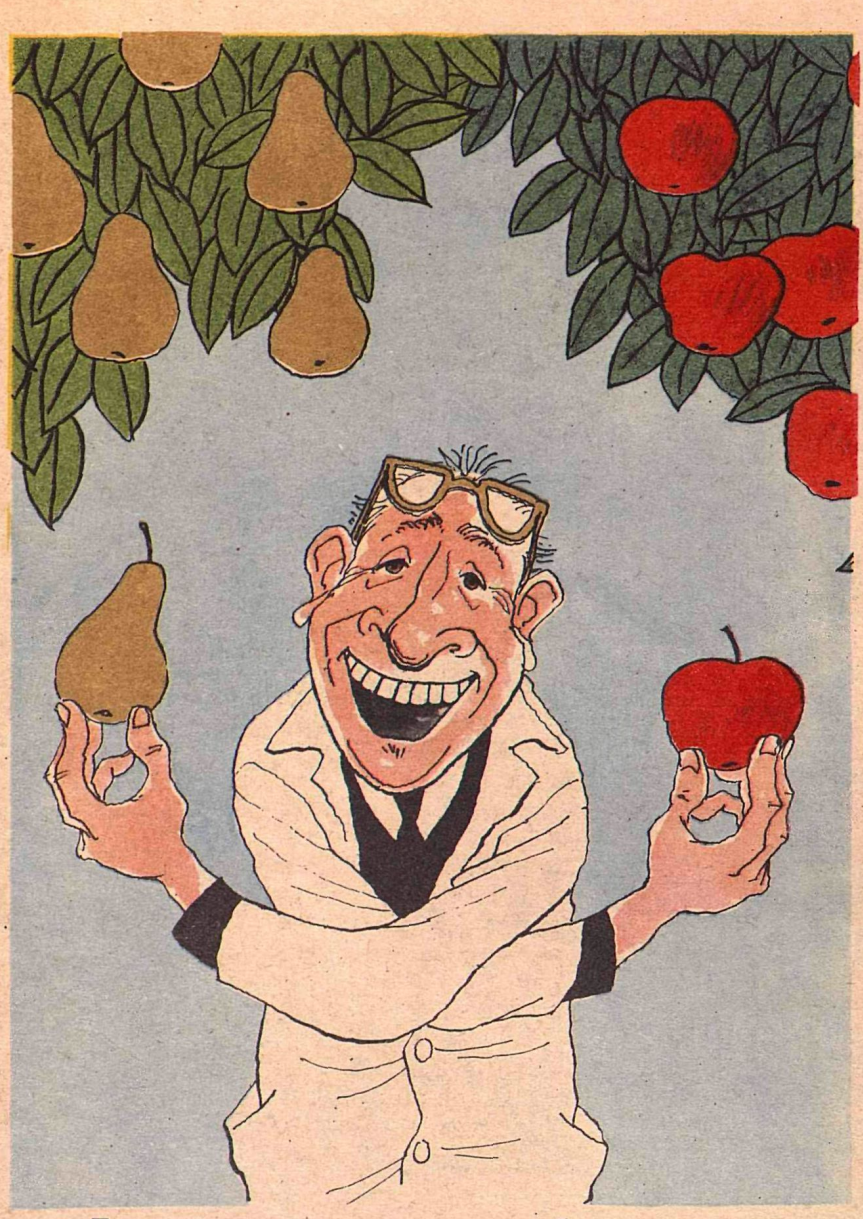
Но вам, председателю колхоза, уже осточертели эти танцы вокруг комбайна, и вы говорите:

— Ведь уборочная-то прошла. Есть более срочные дела. Картошку надо копать, а новехонький копатель изломался. Анисим, братец, подставляй-ка спину, буду рекламацию писать...

В лучшем случае Анисим снова подставит свою могутную спинушку А в худшем — выкрадет у вас инструкцию, выпущенную «Союзсельхозтехникой» в 1963 году, засунет ее за висящий на стене плакат «В сжатые сроки уберем богатый урожай» и попробует написать новую инструкцию. С другими, более подходящими сроками.

Но, может быть, это и будет самый лучший случай!

Л. АЛЕКСАНДРОВА



— После многих лет опытов мы добились того, что на этой яблоне стали расти груши, а на той груше — яблоки!

Рисунок Е. ГУРОВА

МИМОХОДОМ

Ничто не обходится так дорого, как дешевая дружба.

Год ловеласа — 12 медовых месяцев.

Где бы на свете ни творилось доброе дело, он всегда мог доказать свое алиби.

Мстительный человек: когда у него родилась смелая идея, он подбросил ее своему недругу.

Персонал карусели получал доход с оборота.

Ц. МЕЛАМЕД

Детские болезни больше всего изводят родителей.

Выворачивают душу наизнанку зачастую для того, чтобы скрыть ее истинное лицо.

Время идет незаметно, если не хватает времени посматривать на часы.

Б. БАРТАШЕВИЧ

— Я же вам говорил, товарищ инспектор, очистные сооружения у нас функционируют нормально.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Юрий БЛАГОВ

Карьера лесника

Игнат был славным
лесником,
Вставал он в пять
ноль-ноль,
Был с каждым деревом
знаком,
Знал роль его и боль.

Любовью к лесу
вызвал он
В столице интерес
И был в награду возведен
Инструктором в Главлес.

И окружили лесника
Столы, а не стволы,
Нет ни дубка-молодняка,
Ни запаха смолы.
Не каплет с листика роса,
Лишь сквозь табачный
дым
Бумагой ставшие леса
Простерлись перед ним...

Огромный дом гудел
весь день —
Звонки, машинки, крик,
Лишь сын лесов молчал,
как пень,
Он к шуму не привык.

Лишившись начисто
корней,
Заметно он усох,
А через семь
иль восемь дней
Издал протяжный вздох,
Истошно крикнул:
«Караул!»—
На стол дубовый влез,
В окно раскрытое нырнул
И вскачь помчался в лес.

И снова в пять встает
Игнат
И по лесу бредет...
Подался, стало быть,
назад,
А может быть, вперед!

Тебе же хуже

Я не знаю, были вы в Курганинске или нет. Если не были, то, значит, не видели и курганов, а главное, не видели тетю Дусю.

Она невысока ростом, но очень плотна. Загорелое лицо колхозницы и твердый, я бы даже сказал, какой-то безбоязненный взгляд. На работу она надевает мужской пиджак пятьдесят четвертого размера, который еле на ней сходится, и в лацкане пиджака большая английская булавка. Такова тетя Дуся.

Ее трудовая задача — стоять и не пускать.

И хотя похожая философия сильно себя скомпрометировала еще во времена Щедрина, тем не менее тетя Дуся в нашем фельетоне — герой положительный, имеющий прямое отношение к культуре города.

Курганинск стал городом недавно. И едва он стал городом, как культура начала подниматься, будто на дрожжах. Построен Дворец культуры, расширилась танцплощадка, стали проводиться праздники в общегородском масштабе, где, как рассказывают, на пять тысяч зрителей приходилось полторы тысячи артистов.

И когда культуры в городе стало столько, сколько нужно, вдруг возник ерундовый, но довольно каверзный вопрос: а кто же будет не допускать на культурные мероприятия пьяных и безбилетников?

Ответ мог быть только один: Евдокия Григорьевна Лавриненко, то есть тетя Дуся.

Она работает в колхозе «Кавказ», который, к слову сказать, расположен на территории города. И после недолгих уговоров согласилась вечерами стоять на контроле. За небольшую, понятно, плату.

Стоит она на посту геройски, понимая, что это последний рубеж обороны.

Танцплощадка здесь (как и в других городах) обнесена забором. Для надежности последний укрепили могучими столбами из кирпича. Два таких столба образуют как бы ворота. И иной раз кажется, что сделаны они как раз по размерам тети Дуси. Станет она в воротах — и никакому безбилетнику не проскочить. И не страшны ей ни пьяные, ни дебоширы, ни тонкие мальчики в техасских штанишках, которые стоят и раскачиваются рядом.

А раскачиваются они вот почему. Тут же, в двух шагах от танцплощадки, есть две зеленые точки горторга: киоск № 6 и киоск № 7. Вечерами эти киоски похожи на два улья: столько здесь вьется народа.

Я подошел попить.

— Воды нет,— сказали в первой точке,— только вино.

— Воды нет,— сказали во второй точке,— только вино.

После уговоров на прилавке появилась банка с виноградным соком.

— Налейте стаканчик.

— Стаканов тоже нет.

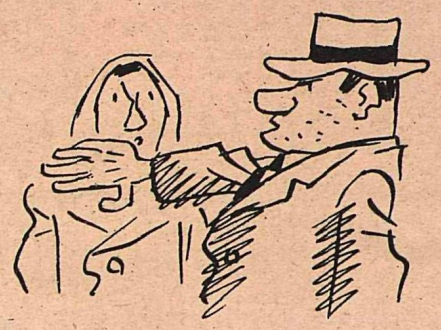
Как выяснилось, их только что разбили. В этот момент из-за киоска вернулся своим ходом последний уцелевший стаканчик. Продавщица, глядя на меня, еле сдерживалась: сзади рос хвост поспешающих на танцы.

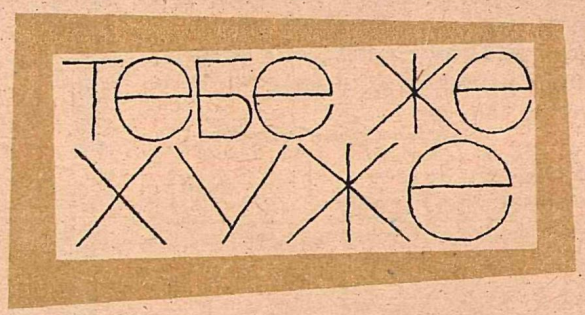
Только поспешали многие зря, потому что у тети Дуси глаз наметанный. Она так и говорит:

— Мне директор сказал: безбилетников и пьяных не пускать — и я никого не пусьтю!

Все знают, что рядовые посетители должны соблюдать порядок. А вот как быть, если порядок нарушает какое-либо ответственное лицо? Если оно, скажем, без всяких оснований желает пройти без билета или идет туда, куда ему не положено. Как тут быть контролеру? Оставаться ли ему на демократических позициях, или применять дипломатию?

Для маленького города, где все друг друга





знают, этот вопрос не такой уж простой. Вот, например, представьте себе: некто рос, рос и вырос до участкового милиционера. И вот он уже учит, где надо переходить улицу и как вести себя в общественных местах. А в один прекрасный вечер этот милиционер, а точнее, младший лейтенант товарищ Нагоев надевает белую рубашечку, цивильные брюки и идет в городской парк. Вместе со своим приятелем из «Сельэнерго» Иваном Поповым он идет на танцевальную площадку.

Только тетя Дуся их без билетов не пускает. Вернее, Нагоева, как милиционера, она еще пускает, а вот его приятеля нет.

И как Нагоев ни доказывает, что Попов будет ему помогать наводить порядок, ничего не получается. Потому что беспорядка на танцплощадке до этого не было.

Однако он тут же начался. Произошел крупный разговор, во время которого Нагоев произнес разные теплые слова и назвал контролера, обратите внимание, дурой. Однако даже этот комплимент никак не поколебал точку зрения тети Дуси, и Попов остался при своих интересах.

И я поперву-наперву даже не знал, как отнестись к этой истории. С одной стороны, присутствие милиционера на танцах желательно. Он как бы украшает собой мероприятие. И с этой точки зрения его негодование понятно. А с другой стороны, он нарушает порядок, за которым по идее должен был бы следить.

Теперь вспомним еще более пикантный эпизод, который произошел на празднике «Музыкальная весна». Пять тысяч зрителей на стадионе, входные билеты по два рубля, оркестр и наряд милиции, присланный из Краснодара. А на контроле, на самом ответственном посту, опять же тетя Дуся.

И вот на праздник приходит городской прокурор Николай Филиппович Ковалев. Он является с женой и двумя детьми. На четверых у них два пригласительных билета. И кроме того, он идет не в те двери. В какие идти, разъясняли в мегафон.

Но порядок — для простых людей. А вот должен ли ему следовать прокурор? Все тот же проклятый вопрос, на который, кроме тети Дуси, никто не знает, как ответить.

Прокурор во главе своего семейства шел напролом, пока не столкнулся с принципиальностью контролера. Произошел инцидент, в котором победила юстиция. Прокурор оттолкнул женщину, назвал ее, заметьте еще раз, дурой и прошел не в те ворота.

Тетя Дуся сказала дежурному администратору, который с интересом наблюдал сцену (это был бывший работник райисполкома тов. Пожидаев):

— Что же вы не заступились? Если он прокурор, так может что хочешь делать?

— Это ж прокурор... с ним только свяжись! — ответил Пожидаев.

Не получив ответа на свой вопрос от администратора, Лавриненко обратилась с письменной жалобой в райком партии. Но там, видимо, тоже колебались, «может или не может», поэтому заявительнице через третье лицо был передан ответ: жалоба разобрана. И точка. А как разобрали? В каком плане?

В поисках истины я зашел к секретарю парткома колхоза «Кавказ» Логинову. Он сказал, что Евдокия Григорьевна Лавриненко трудолюбива, выполняет все поручения. И тут он произнес фразу, которая мгновенно поставила все на свои места.

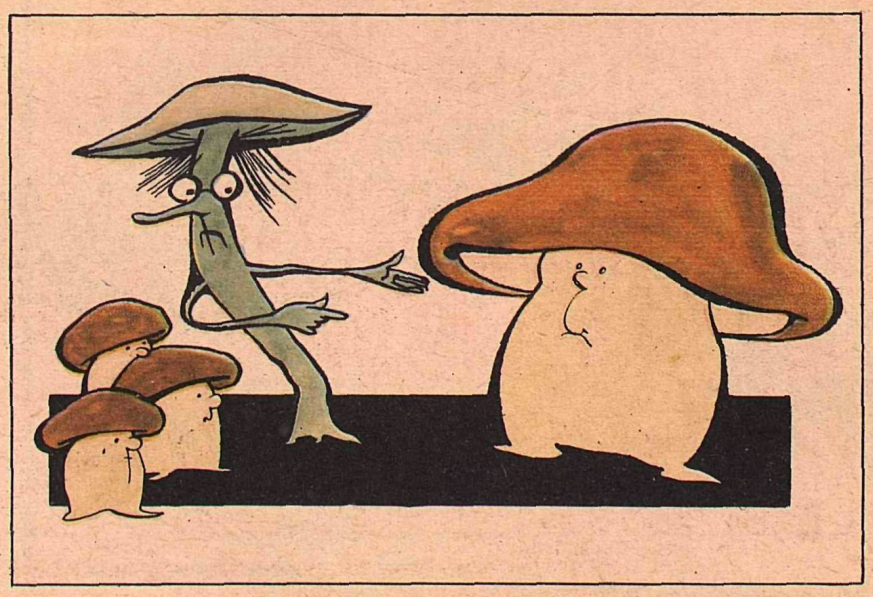
— Евдокия Григорьевна очень принципиальная женщина,— задумчиво сказал Логинов.— Но ведь принципиальность тоже надо знать, где применять...

Оставалось только обнажить голову перед этой великой мудростью, что я и сделал. В самом деле, до чего просто! Нет никаких проблем, ни гамлетовских сомнений. Главное — быть принципиальным до конца — и точка. Только надо разбираться, когда и с кем.

А если не будешь разбираться, то окажешься в дураках. Тебе же хуже.

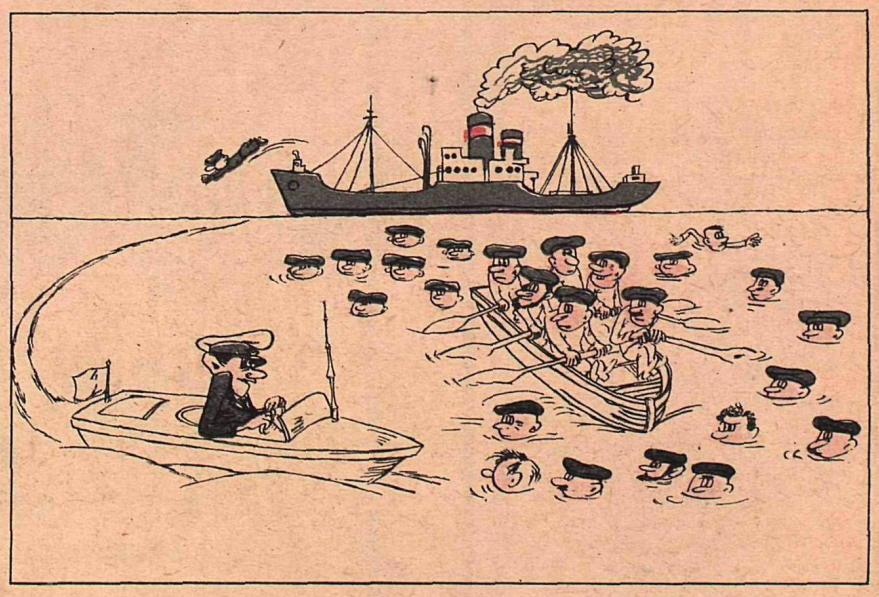
А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Курганинск.



— Будьте свидетелями: он меня поганкой назвал!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА



— Кто крикнул: «Судно тонет!»?

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

ПРОСТО АНЕКДОТ

В театре:
— Прошу вас, перестаньте разговаривать, я не могу понять ни одного слова.
— А почему вас интересует, о чем я говорю со своей женой?

●

К капитану парохода подходит пассажирка и спрашивает:
— Это правда, что море в этих местах имеет глубину три километра?
— Ну что вы! Не больше пятисот метров.
— Ну, слава богу, от души отлегло! А я так боялась...

●

— Отчего вы так нервничаете? — спросил прохожий одного рыболова, понаблюдав за ним некоторое время.
— Все из-за рыбной ловли.
— Позвольте, но ведь рыбная ловля — один из лучших способов успокоения нервов.
— Да, но в этом месте ловля строго запрещена.

●

— Признайся, малыш, это ты разбил окно? Учти, что искреннее признание снимает половину вины!
— А могу я признаться два раза?

●

Посетитель кафе попробовал поданный ему кофе и позвал официанта:
— Вы что мне подали? Кофе или помои?
— А вы не можете отличить?
— Нет.
— Тогда какое это имеет значение?

●

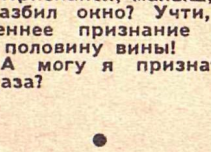
Маленький Петя тайком от матери пришел к соседке и спросил:
— Скажите, пожалуйста, вам не мешает то, что я каждый день упражняюсь на пианино?
— Еще как!
— Тогда очень прошу вас, поскорее пожалуйтесь моей маме.

●

Жена профессору:
— Дорогой, у нас в библиотеке вор.
— А что он читает?

●

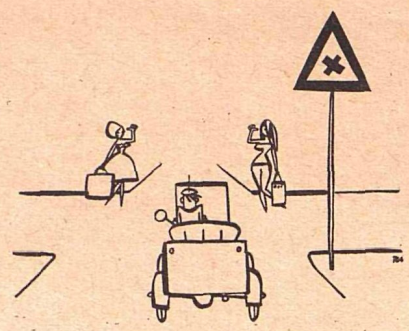
Одна женщина позвонила своей приятельнице:
— Знаешь, я уже сделала первый шаг на пути к разводу.
— Какой же?
— Вышла замуж.



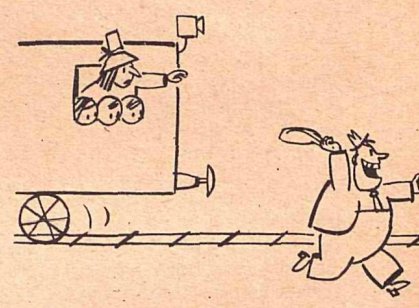
МОЙ ВЕРНИСАЖ

РЕМЕ

Читатели болгарского «Стыршела» привыкли к забавным рисункам, подписанным коротко — Реме. Но на самом деле карикатуриста с таким именем в «Стыршеле» нет. Это псевдоним художника Радослава Маринова. Несколько его рисунков мы и предлагаем вниманию читателей.



Сложный перекресток.



Разлука.

МОЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

«Елань-Коленовскому хлебозаводу требуются рабочие по выпечке хлебобулочных и мучных изделий и безалкогольных напитков».

Газета «Знамя Октября»

Воронежская область.

Фото В. ЕЛИЗАРОВА

г. Балашов.

«Товарищи больные! Кабинет не работает по болезни!»

(Объявление в поликлинике.)

Переписал В. ВЕРНЕР.
г. Макинск.

Волгоградская область. Фото Н. БЕЛОУСА

«Сегодня будет производиться кровообратие у голов крупного рогатого скота».

Прислала И. КИНАРОВА.

Целиноградская область.

«ПРОДАЕТСЯ СОБАКА «БОКСЕР» С ДОКУМЕНТАМИ УЧЕНОГО».

Копию снял Н. ПЕВНЕВ.

Луганская область.

«В СРОЧНЫЙ РЕМОНТ ОБУВЬ БЕРЕМ ТОЛЬКО С НОГ — С РУК НЕ БЕРЕМ!»

Списал В. УМАНЦЕВ.

г. Ленинград.

НЕ ПРОИЗВОДИТЬ ОБМЕН МАТЕРЕЙ НА БАБУШЕК БЕЗ ПИСЬМЕННОГО РАЗРЕШЕНИЯ.

(Объявление в детской больнице.)

Прислал И. ИВАНОВ.

г. Одесса.

«ПО КЛУМБОГАЗОНАМ ПОСТОРОННИМ ХОДИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

Прислал Ф. ЗОЗУЛЯ.

г. Краснодар.

«УВАЖАЕМЫЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ И ЖИТЕЛИ ОБЛАСТИ!
ЛЕНТРАНСАГЕНТСТВО ОРГАНИЗОВАЛО ЕЖЕДНЕВНЫЕ ТУРИСТСКИЕ ПОЕЗДКИ В МОСКВУ НА СУББОТУ И ВОСКРЕСЕНЬЕ».

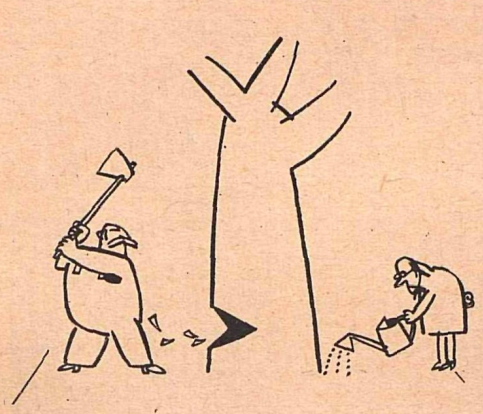
(«Ленинградская правда»)

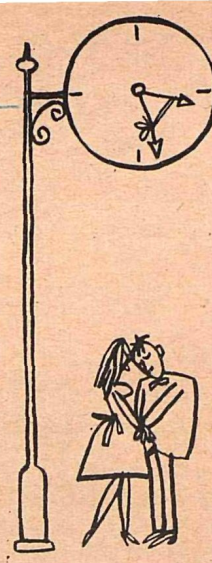
В концерте принимают участие дипломаты областного и республиканского смотров художественной самодеятельности

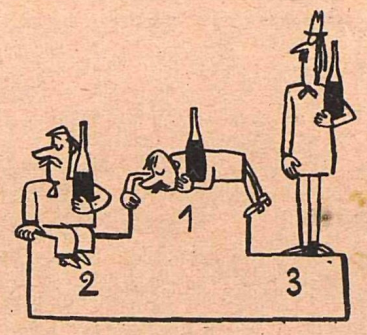
Начало в 9 час. Касса работает с 2 час

Фото В. ПАРУСОВА

г. Усть-Каменогорск.







Награда за наилучшее вино.

ОТКЛИКИ И РЕПЛИКИ

АХ, ЭТИ ИНСТРУКЦИИ!

В фельетоне «Дед Семен и инструкция» (№ 17 «Крокодила») рассказывалось о том, как обманулся в своих надеждах на районного прокурора житель села Александровки, Воронежской области, С. И. Крутоголов. Когда С. И. Крутоголова на Лосевском приемном пункте «Скотооткорма» обсчитали на 75 рублей 60 копеек, он сразу же пошел искать защиты у павловского районного прокурора тов. Уфтюжского. Но тов. Уфтюжский не встал на защиту деда Семена, ссылаясь при этом на инструкцию. С. И. Крутоголов написал жалобу в прокуратуру области, а в ответ получил ту же самую инструкцию, но уже в письменном виде.

На выступление Крокодила откликнулся начальник «Главскотооткорма» Министерства сельского хозяйства РСФСР тов. Полунин. За допущенные нарушения приемщику скота П. Н. Борисенко и бухгалтеру приемного пункта А. Е. Портянкиной объявлен выговор. С. И. Крутоголову недоплаченная сумма в размере 75 рублей 60 копеек выдана.

Ответ в редакцию прислал и прокурор Воронежской области тов. А. Рекунков. Прокуратура Павловского района, говорится в ответе, совершенно правильно ссылалась на требования инструкции. С. И. Крутоголов при сдаче своей телки не выполнил требований инструкции, поэтому формальные основания для отказа имелись.

«Но дело в том,— пишет далее тов. Рекунков,— что на практике упомянутую инструкцию выполнить было невозможно в связи с тем, что заготпункт в с. Лосеве, куда сдавалась телка, расположен в 50 км от г. Павловска, откуда «по инструкции» должен был прибыть представитель производственного управления, а мясокомбинат, где должен производиться контрольный убой, расположен в гор. Георгиу-Деж — более чем в 100 км от с. Лосева».

Итак, значит, неправ Крутоголов, неправа, так сказать, и инструкция.

А кто же прав? Выходит, прав районный прокурор, который требовал, чтобы дед Семен выполнил невыполнимую инструкцию.

ДАЙТЕ ТОЛЬКО СРОК!

Получил я восьмой номер «Крокодила», прочитал заметку «Любите книгу!» и сказал сам себе:

— Наконец-то!

Наконец-то, думаю, помогут нам, отремонтируют нашу сельскую библиотеку. А то и книги на полу валяются и с потолка сыплется.

Потом получил № 19, и там прочитал уже ответ на эту заметку за подписью заведующего отделом пропаганды Краснодарского крайкома КПСС И. Кикило. Меры приняты, писал тов. Кикило, ремонт уже идет полным ходом, пристраивается читальный зал, и вообще все работы будут закончены к 1 августа.

Ответом я остался доволен, хотя никакого ремонта в это время и не происходило. Ну, ладно, думаю, главное, что 1 августа все сделают. Штурмовщина, наверное, получится, но ведь сделают же. Обещали.

И вот пришел август, а работа проделана такая. Заложен фундамент (давным-давно еще заложен), да на днях привезли одну машину кирпича.

И все. Опять кругом тихо. Только если раньше красовалась одна куча (книги на полу), то теперь еще и снаружи куча появилась. Куча кирпича. На какой теперь срок — неизвестно.

Н. РУДЕНКО

с. Майкопское,
Кавказского р-на,
Краснодарского края.

«ТАК ДЕРЖАТЬ!»

В газете «На боевом посту», издаваемой Кемеровским областным управлением охраны общественного порядка, была напечатана любопытная заметка «Так держать!». В ней рассказывалось о социалистическом соревновании в юбилейном году работников медвытрезвителей. Газета сообщила, что «благодаря неутомимой энергии» начальника медвытрезвителя № 1 «коллективу удалось выполнить план по взысканию денежных средств».

Крокодил перепечатал заметку под рубрикой «Нарочно не придумаешь» (№ 18).

Как сообщает заместитель начальника облуправления охраны общественного порядка тов. Афанасьев, редколлегия газеты «На боевом посту» обсудила выступление журнала. Оказывается, планов по взысканию денежных средств в вытрезвителях не существует. Исполняющий обязанности редактора газеты Л. Я. Попов небрежно отредактировал полученную газетой заметку, внес свои коррективы, которые исказили смысл.

Редколлегия газеты приняла ряд мер по улучшению работы редакции.

— Ну, войди в мое положение: встретились старые друзья, нужно было как-то отметить...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

КРОКОДИЛ

№ 26 (1856)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера разработали: М. Битный, М. Виленский, А. Грунин, С. Кузьмин, И. Норинский, В. Пітицын, Н. Станиловский, В. Тильман, Е. Шабельник, З. Юрьев.

наш адрес:
москва А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00206.
Подписано к печати
9/IX 1967.
Формат бумаги 70×108 1/16.
Объем 2,80 усл. печ. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 1577.
Заказ № 2584.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

20 СЕН 1967

45318 2к

«СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ»

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1967 г.

— Как видите, сэр, южные вьетнамцы обеими руками за режим Тхиеу — Ки.

Рисунок А. КРЫЛОВА